

Новый год двадцатого года Чэнхуа встретили во время землетрясения. В первый день первого месяца проходил большой торжественный прием при дворе, а на второй день в столице произошло землетрясение, погрузившее людей в смятение. Землетрясение охватило Юнпин и другие управы Бэйчжили, а также Сюаньфу, Датун и Ляодун. Гул стоял подобно раскатам грома; в Сюаньфу растрескалась земля, из трещин забили песчаные фонтаны и ключи, а за пределами столицы обрушилось неисчислимое множество городских стен, сигнальных башен и почтовых станций.

Пока известия из отдаленных мест еще не дошли до столицы, все внимание сановников было приковано к стихии: они утверждали, что землетрясение — это предостережение Свыше, а потому император должен очистить помыслы, осмыслить свои проступки, совершенствовать добродетель, приблизить верных и прямых министров и не поддаваться дурному влиянию наложниц и евнухов. Однако Сын Неба Чэнхуа был не из тех, кем легко манипулировать. К тому же в упреках упоминалась благородная супруга Вань, отчего его боевой дух мгновенно взлетел до небес: из добродушного правителя в стиле «подавайте увещевания сколько угодно, я все равно не слушаю» он мгновенно превратился в боевитого владыку, чей посыл звучал как «даже если я виновен, ваши ручки тоже не чисты». В своем указе он лишь вскользь упомянул собственные промахи, но прямо указал, что министры несут равную с государем ответственность за исполнение небесного долга, а значит, кара Свыше наверняка связана с их пренебрежением службой и нарушением законов; пусть же сановники расскажут и обновят свои помыслы, чтобы соответствовать получаемому жалованью. Цензоры при дворе подавали доклад за докладом, но Сын Неба Чэнхуа либо оставлял их без ответа, либо выдвигал встречное обвинение и отсылал просителей начальниками уездов в глухие края.

Внешние чиновники из Бэйчжили, остававшиеся в столице для аудиенции, пребывали в еще большем смятении. С одной стороны, они следили за политическими бурями при дворе, с другой — тревожились о масштабах бедствия и ходе спасательных работ во вверенных им землях, а кроме того, с трепетом ждали вызова на аттестацию в Министерство чинов. К счастью, ждать им пришлось недолго: управы Бэйчжили подчинялись напрямую шести министерствам, поэтому их аттестовали в первую очередь. Едва завершились проверки Шуньтяньфу и Баодина, как черед дошел до Юнпинской управы. Префект Ван сперва предстал перед проверяющими — заместителями министров и старшими чиновниками, — представив отчет о достижениях подчиненных уездов в сфере просвещения, налогов и провианта, перевозок, горного дела, строительства, а также примерных верных мужей и целомудренных вдов, и дал личные оценки каждому делу перед лицом высшего начальства.

В других уездах не нашлось ничего примечательного, за исключением уезда Цяньань, где открыли публичную библиотеку с бесплатной выдачей книг для ученых мужей и школяров, что вызвало некоторую заинтересованность у правого старшего цензора Ли Юя. Когда начальник уезда Ци вышел для прохождения аттестации, Ли Юй спросил:

— В твоей библиотеке и впрямь дозволяется читать книги, не тратя ни монеты? Чем же она отличается от книжных лавок, где людям разрешают переписывать тексты?

Начальник уезда Ци положил немало сил на создание библиотеки за прошедшие месяцы и считал ее своим предметом особой гордости. Услышав вопрос, он не сдержался и ответил подробнее:

— Ваше превосходительство, библиотека нашего скромного уезда открыта как для образованных людей, так и для простого народа. Книги там предназначены исключительно для чтения, никакой выгоды из этого не извлекается. Всего в хранилище насчитывается триста наименований книг, по три экземпляра каждого на полках, а в запасниках есть резервные и

сменные тома — общей сложностью более трех тысяч книг. Двери открыты ежедневно с восьми утра до трех дня, и всякий любящий чтение может войти и выбрать книгу по душе. В библиотеке всегда есть кисти, тушь, бумага и тушечницы, дабы читатели могли выписывать примечательные статьи и удачные выражения.

Ли Юй слегка кивнул. Левый заместитель министра чинов Гэн Юй спросил:

— Откуда же взялись средства на открытие библиотеки и откуда доставлены книги? Пожертвовали ли их знатные роды или средства выделены из уездной казны?

Начальник уезда Ци склонился в поклоне:

— Здание и книги собраны трудами одного юного праведника и многих зажиточных семей уезда. Изначально тот юноша хотел открыть библиотеку на собственные средства, дабы давать книги ученикам безвозмездно. Видя, как бедна его семья, но сколь высоки его помыслы, ваш покорный слуга почувствовал стыд и захотел взять это дело на себя. Но юноша твердо вознамерился послужить государству и все же передал помещение вместе с семейным книжным собранием в дар. Ваш покорный слуга повелел воздвигнуть стелу с памятной надписью, дабы увековечить его благородный поступок.

Гэн Юй вздохнул:

— Коль скоро совершен столь благородный поступок, отчего не подали прошение ко двору о награждении? Как имя этого праведника и чем занимается его семья?

Ли Юй с сожалением заметил:

— Все же он пожертвовал не зерно для помощи при бедствиях, оттого этот случай не подпадает под правила о высочайшем поощрении. Начальник уезда Цяньань воздвиг стелу и составил жизнеописание, внеся дело в уездную летопись, а этого вполне достаточно, чтобы прославить его имя.

Начальник уезда Ци пробормотал несколько слов в знак согласия и добавил:

— Его семья уже устаивалась высочайшего поощрения от двора, а его родите...

Он хотел было сказать, что его почтенный батюшка занимает должность ланчжуна в Министерстве финансов, но внезапно вспомнил, как сам только что обмолвился о его бедности. А между тем состояние Цуй Цюэ, как удалось разузнать начальнику уезда Ци за пару дней в столице, вовсе не казалось столь уж бедственным.

По крайней мере, оно было совсем не таким бедным, каким казалось по прибытии Цуй Се в Цяньань.

Родители живут в роскошном особняке за красными воротами, окруженные слугами и служанками, у него множество жен и наложниц; а сын задвинут в далекий уезд, где его сопровождают лишь старик да мальчишка, да еще приходится самому вести торговлю, чтобы прокормиться, и терпеть издевательства злых слуг. Тогда начальник уезда Ци думал лишь, что тот слуга был властным и дерзким к хозяину, но теперь при этой мысли его охватывал трепет: а что, если его обижал не только слуга?

Он на мгновение замешкался, но двое главных чиновников в зале решили, будто он просто забыл имя того человека, и велели ему не ломать голову, а возвращаться на постоянный двор и

ждать решений. Им требовалось успеть до десятого числа обследовать служебные дела трех тысяч пятисот двадцати трех главных чиновников из двух столиц и тринадцати провинций, прибывших на аудиенцию, и на разговор с начальником уезда Ци уже ушло немало времени — ждать дальше не было никакой возможности.

Выйдя из Министерства чинов, начальник уезда Ци понял, что на восемь десятых сохранит за собой должность. И все же тревожные мысли не оставляли его. Расставшись с коллегами, он в одиночестве тихонько направился к усадьбе Цуй Цюэ и издали посмотрел на изысканно отделанный большой дом.

В этот момент из ворот как раз выезжал второй молодой хозяин семьи Цуй. Его окружала толпа слуг в ярких одеждах; гордый и довольный, он проехал на коне прямо перед ним, даже не удостоив взглядом скромного чиновника в синем халате.

Начальнику уезда Ци и самому не хотелось лишний раз глядеть на эдаких избалованных барчуков из надменного богатого семейства, поэтому он развернулся и пошел обратно на постоялый двор.

Одиннадцатого числа первого месяца результаты большой аттестации в Министерстве чинов были наконец сформированы и представлены императору Хунчжи. Начальник уезда Ци не только не попал под восемь статей для увольнения, но и получил оценку «преуспел в просвещении», благополучно преодолев испытание.

Затем Министерству чинов предстояло продвигать чиновников на должности ниже помощников префектов, чтобы заполнить вакансии уволенных. Однако начальник уезда Ци посчитал, что его стаж и успехи не перевесят последствий текущего землетрясения, и не стал оставаться в столице ради интриг и выпрашивания выгоды. Как только аттестация закончилась, он пустил коня вскачь и отправился обратно в Цяньань.

На самом деле большинству чиновников из пострадавших от землетрясения районов хотелось поступить так же, но мало кто мог действительно проехать весь путь верхом — ведь начальник уезда Ци был худым, выносливым, часто путешествовал по горам да рекам и привык к верховой езде.

Пока большинство приезжих чиновников все еще медлили в предместьях столицы, он уже пришпорил коня и прибыл в уездный центр.

К счастью, эпицентр находился севернее, у самой границы, отчего Цяньань почти не пострадал: лишь кое-где обрушились лачуги да загорелось несколько домов, но в тот день как раз шел сильный снег, и огонь не успел распространиться.

Пострадавших уездный помощник Тянь временно разместил в храме императора Гуаня и храме Сюаньцзюэ. У них были и одежда, и одеяла, а зажиточные горожане раздавали кашу, так что вид у людей оставался вполне терпимым. Начальник уезда Ци с облегчением вздохнул, велел отправить слуг к богатым семьям просить зерно и собирался подать прошение в Министерство финансов с просьбой открыть амбары для помощи голодающим.

Уездный помощник Тянь сказал ему:

— Во время землетрясения мы уже собирали пожертвования: удалось получить больше пятидесяти даней зерна, сотню рулонов старой ткани да два десятка телег угля. Погода сейчас не такая уж суровая, а если велеть людям самим сходить за город за дровами, этого хватит, чтобы дотянуть до середины весны.

Начальник уезда Ци сжал его руку, тронутый до слез:

— Какое счастье, что со мной брат Тянь! Иначе, пока я находился в столице и ничего не мог поделать издали, что стало бы с этими людьми?

Помощник Тянь ответил:

— Это лишь прямая обязанность вашего покорного слуги, разве смею я принимать такие похвалы? Нам повезло, что Цяньань пострадал не сильно. Будь мы в приграничном гарнизоне Юнпина, то даже имей я способности сдвигать горы, ни за что бы не справился.

Они пообменивались похвалами, после чего начальник уезда Ци отправился вместе с ним осмотреть пострадавших, укрывшихся в монастырских кельях: проверил, густа ли каша и достаточно ли тепла одежда у людей. Пока он наблюдал за работой подчиненных, во двор внезапно вошел человек в синем плаще. Ростом он не был слишком высок, но имел длинные ноги и шагал размашисто, словно с порывом ветра. Профиль с белым аккуратным носиком привлекал к себе невольный взгляд.

Имя мгновенно всплыло на языке начальника уезда Ци:

— Цуй Се.

Цуй Се на мгновение замер, невольно обернулся и в изумлении расширил глаза. Сложив руки в приветствии, он воскликнул:

— Ваше превосходительство! Вы так быстро вернулись из столицы?

Начальник уезда Ци кивнул и между делом спросил:

— Отчего ты не готовишься к экзаменам дома, а пришел сюда?

Спрашивая, он пристально разглядывал юношу.

На Цуй Се тоже была подбитая мехом накидка, но ткань и мех выглядели обыкновенными, ценностью всего в несколько лянов серебра. А у ворот дома ланчжуна начальник уезда Ци видел молодого господина в плаще из наилучшей облачной парчи с куда более пышной меховой оторочкой. Даже слуги при том барчуке носили теплую шубную одежду из более качественной и блестящей ткани.

Однако сам юноша, казалось, ничуть не заботился о своей одежде. Он быстро подошел ближе и поклонился:

— Приветствую начальника уезда, приветствую уездного помощника. Ваш ученик услышал от стражников, что здесь не хватает согревающих лекарств, и специально велел привезти их из Тунчжоу. Вот, только что доставил.